

УДК 82-1+316.3

DOI: 10.48164/2713-301X_2021_4_13

М.Ю. Осокин

Саттахип (Таиланд)
mike.osokin@gmail.com**«ПОХВАЛА ЛЕТУ» В.К. ТРЕДИАКОВСКОГО: О ГРИБАХ, МУХАХ И МЕХАНИЗМАХ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ**

Стихотворение В.К. Тредиаковского «Похвала лету» не включалось в собрания его сочинений, оставаясь в списках. Текст, который здесь впервые публикуется, минуя печать, запал напрямую в коллективную память как карикатурный образчик его поэзии и там со временем утвердился уже в новом эстетическом статусе. В 1840-е гг. стихотворение, несмотря на иронические кавычки, в которые его заключали любители поэзии, вновь стало использоваться в исконной функции – функции лирического высказывания.

Ключевые слова: В.К. Тредиаковский, поэзия, культурная память.

Лето, лето, ты горяче,
Мухами богато паче.
Ты жарчай лет многих всех,
По лугам сам скачет смех.
Только тем ты нелюбовно,
Что ты вот уж негрибовно¹.

С этим стихотворением В.К. Тредиаковского связан парадокс: наряду с «Поют птички со синички, / Хвостом машут и лисички» это, пожалуй, самые известные его стихи, которые ценители поэзии в XIX в. знали почти наизусть, несмотря на то что они – в отличие от «лисичек», осмеянных Ломоносовым: «Давно изгага всем читать твои синички, / Дорогу некошну, вонючия лисички», – не входили в собрания его сочинений и остались в рукописном виде. «Похвала лету» есть, например, в «Разных стиходействиях» (так называемом «Казанском сборнике», по которому текст воспроизводится выше) и в сборнике из архива Н.С. Тихонравова (датируемом по филиграммам не ранее 1779–1784 гг.); в последнем текст идентичный, с подписью «В: Т.»².

«Похвалу лету» вышучивал А.П. Сумароков в письме к Екатерине II от 31 января 1773 г.: «А еще лучше, ежели я стану сочинять "Tausend und eine Nacht" ("1001 ночь". – М. О.) или, по крайней мере, писать высокопарные оды, думая: <...>

Живу любовно;

Тому причина та, что лето не грибовно».³

Автор тут не указан, Сумароков явно рассчитывал, что Екатерина опознает аллюзию. При первой публикации строки не прокомментированы, а в примечаниях к републикации опознаны приблизительно: В. Степанов назвал их «пародийным подражанием словотворчеству В.К. Тредиаковского» [1, с. 219].

Несомненно, у Пушкина, когда он сочинял в 1833 г. «Ох, лето красное! любил бы я тебя, / Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи», были в голове мухи из «Похвалы лету». Фактически это переложение стихов Тредиаковского: оба лирических героя радуются лету, но жалуются

театра (сборник в сборнике), почти в точности повторяет соответствующую часть казанского: 17 нумерованных текстов на лл. 239–249, начиная с «Письма актера... Ф. И. Молчальникова директору российского театра В. И. Бибикову» и заканчивая «Похвалой лету», соответствуют № 115–120, 122–131, 133 «Разных стиходействий».

³ Переписка А.П. Сумарокова с разными лицами // Летописи русской литературы и древности. 1859–1860. Кн. 5, т. III, отд. III. Москва: Тип. Грачева и К°, 1861. С. 73.

¹ Тредиаковский В.К.]. Похвала лету // Разные стиходействия. Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Лобачевского [Казанский федеральный университет]. Ед. хр. 4542. Л. 135.

² Тредиаковский В. Похвала лету // Сборник литературных, архивных и документальных произведений XVIII в. НИОР РГБ. Ф. 299 [Н.С. Тихонравов]. № 241. Л. 249. Стихотворный блок списка Н.С. Тихонравова, включающий эпиграмматическую перебранку актеров русского

[«только тем ты не любовно...» ср. «любил бы я тебя, когда б...») на сопутствующие досаждающие обстоятельства. Согласно воспоминаниям А.О.Смирновой-Россет, «Пушкин говорил, что его любимый поэт – Тредьяковский, а после него – граф Хвостов; в доказательство изящества Тредьяковского он цитировал два стиха:

О лето, лето, тем ты мне не любовно,
Что ахти не грибовно» [2, с. 418].

Основываясь, вероятно, на мемуарах, Даниил Лукич Мордовцев в романе «Двенадцатый год» (1880) заставит юного арапчонка Пушкина в присутствии М.Л. Магницкого и М.М. Сперанского выкрикивать строки: «Лето, лето горяче! Обильно мухами паче!»¹, а Николай Голицын в 1869 г. не слишком к месту вынесет в эпиграф к очерку о Царскосельском лицее:

«О лето, лето горяче,
Мухами обильно паче,
Только тем не любовно,
Что не грибовно!
В.К. Тредьяковский»², –

и примется многословно, на разные лады обыгрывать «вириши *онаго преблагознаменитаго мужа, Элоквенции профессора и всероссийскаго пииты*» в рассказе о летнем пансионе.

Стихи всякий раз цитировали на память с разными вариациями, из которых не было ни одной правильной. У Смирновой-Россет же в автобиографических записках стихи встречаются в другом виде, уже в собственном рассказе о том, как она «дразнила» немца, который восторгался Гансом Саксом и противопоставлял его «плевому Пушкину»: «Как же не так, а зато ваш башмачник

Hans Sachs не может сравниться с нашим великим Тредьяковским, этот был прямо скондачка и писал: “О лето, о лето, Тем ты не любовно, что вовсе не грибовно”. Смейтесь над грибами, вся Россия объедается грибами в разных видах, и жареных, и вареных, и сушеных. Мужики ими наживаются, и в необразованной Москве рынки завалены сушеными трюфелями. Я смерть люблю грибы, жареные на сковороде» [2, с. 214]³.

Стихи эти надолго сделались карикатурой и использовались для порицания Тредиаковского. Геннадий Симоновский в «Беседе с Ученым» (1832), где громится вся русская литература XVIII века, приводит иной вариант:

Скажите, что за чувство в сей идиллии:
Лето, лето, ты горяче,
Мухами обильно паче,
Но вот тем лишь не любовно,
Что вот ты вот не грибовно⁴.

Д.Н. Бантыш-Каменский, цитируя в своем словаре (1836) образчики дурной поэзии Тредиаковского, не затрудняясь установлением источника, ухудшает оригинал «Похвалы лету», – никто не скажет сейчас, с умыслом или так запомнилось, – частично передавая его амфибрахием:

«Удивительно, каким образом Тредьяковский, писавший: <...>

«О лето, ты лето горяче
Мухами обильно паче:
Только тем ты, лето, не любовно,
Что не грибовно», и проч. <...>

Каким образом такой жалкий стихотворец мог огорчать критику своей бессмертного нашего Пиндара? (см. биографию Ломоносова)» [5, с. 149–150]. Наряду с этой он приводит выписки:

¹ Мордовцев Д.Л. Двенадцатый год: исторический роман: в трех частях. Т. I. Санкт-Петербург: Тип. (бывшая) А. М. Котомина, 1880. С. 138. Фельетонист «Правды» К. Демидов в 1943 г. будет цитировать эти строки из третьих рук – по роману Мордовцева: «Газета “Штрасбургер цейтунг”, в свою очередь, отмахивается от тучи черных мух-слухов. Смысл ее статьи можно передать вирами Тредьяковского: “О, лето, лето горяче, обильно мухами паче!”» [3, с. 4].

² Голицын Н. Благородный пансион Императорского Царскосельского Лицея. 1814–1829. Санкт-Петербург: Тип. О.В. Ландсберг (Бакста), 1869. С. 276.

³ В «Литературных памятниках» ссылка осталась без комментария, а позднее указание В.А. Кошелева («Выражение Тредиаковского известно Смирновой, скорее всего, по “Старой записной книжке” Вяземского») безусловно неточно [4, с. 325]. Само собой, она запомнила эти две строки от Пушкина, когда они общались в 1830–1831 годах в Царском Селе, а Пушкин, конечно, как Н.М. Языков и Н.В. Гоголь, о которых ниже, помнил, как минимум, четверостишие.

⁴ Симоновский Г. Русский Жильбаз. Похождение Александра Сибирякова, или Школа жизни. Сочинение Геннадия Симоновского. Ч. 2. Москва: Тип. С. Селивановского, 1832. С. 144.

«Весна катит, / Зиму валит...» (с указанием «Из песенки Тред.»); «С одной страны гром, / С другой страны гром...» («Из описания грозы, бывшая в Гаге»); «Да здравствует днесь Императрикс Анна...»; «Там на низу при престоле стояла смерть цветобледна...» (с указанием «Из Тилемахиды»), но только при «Похвале лету» и сочиненной в Гамбурге «Песни» Анне Иоанновне (1730) не указывает источники¹.

Рассказывая о развлечениях воспитанников петербургского Императорского училища правоведения в конце 1830-х – начале 1840-х гг., мемуарист пишет: «Нам мало было Пушкина, Лермонтова, барона Дельвига, князя Вяземского, Языкова, Кукольника, мы познакомились и с Василием Кирилловичем Третьяковским, заучивали и цитировали и его творения. Конечно, это уже делалось как контраст; это было как кайенский перец к пище. Во время вечернего приготовления к завтрашним урокам, подчас надоедливым и скучным, какой-нибудь шутник, взойдя на кафедру, начинает:

О лето, лето, ты горяче
И мухами обильно паче
или:

Раз девка на реке, мыв платье зарыдала ...» [7, с. 46–47]².

В псевдоисторической сцене П. Григорьева «Указ 1756 года» (1856) комический актер Яков Шумский издева-

ется над Третьяковским, декламируя эти строки якобы из «Деидамии»:

«Шумский (*протяжно*). “Вы восхотели быть сама тем добровольно!” Деидамия! я... чтож я вам изреку?..

(*Скороговоркой*).

О лето, ты лето горяче,

Мухами обильно паче,

Только тем ты, лето, не любовно,

Что грибовно — (*Все хохочут*.)

Третьяковский (*вскочив*). Позвольте! это вы не из трагедии...

Шумский. Ах, виноват! я столько переучил ваших стихотворений, что все вместе мешаю невольно...»³.

Актеры продолжают и дальше зачитывать стихи Третьяковского «не той материи». Рецензент пьесы в «Библиотеке для чтения» назвал это «остроумной мистификацией»⁴; на самом деле строки, с одной переменной, взяты из словаря Бантыш-Каменского. Ничего подобного в «Деидамии» (1750), разумеется, быть не могло. Эта высокая трагедия на античный сюжет, опубликованная посмертно в 1775 г., писана ямбическими гекзаметрами.

Тут стихи, искажаясь и варьируясь, еще используются для осмеяния Третьяковского, но уже в 1840-е гг., благодаря нескольким особенностям, перестают быть только карикатурой. Они чеканны, похожи на поговорки: «Коли грибовно, так и хлебно (хлебовно)», «В добре советно, а бедовно, не любовно»⁵, «Пережили лето горяче, переживем и г<овно> собаче»⁶, а главное коротки, и потому легко запоминаются и потом при случае всплывают в памяти.

¹ Отрывок из этой статьи Бантыш-Каменского со стихами о лете приводился в Собрании избранных сочинений Третьяковского [Собрание сочинений известнейших русских писателей. Выпуск третий. Избранные сочинения В.К. Третьяковского / изд. П. Перевлесского. Москва: Унив. тип., 1849. с. LVI], но само стихотворение в книгу не вошло. По словарю Бантыш-Каменского «Похвалу лету» процитирует И. Иванов в «Истории русской критики», чтобы торжественно изобличить Третьяковского: «Он “без вертопрашного тщеславия” заявлял, что “в прискивании рифм приобрел навык, не грызя ногтей и без поражения ладонью чела”. И это говорилось... о таком лиризме» [6, с. 133], хотя о прискивании рифм сказано по другому поводу в предисловии к «Тилемахиде».

² Второе стихотворение – это уже притча А.П. Сумарокова «Девка» [Сумароков А.П. Избранные сочинения в стихах / вступ. ст. Т.Е. Абрамзон; сост. и примеч. Т.Е. Абрамзон, М.А. Амелина. Москва: ОГИ, 2017. С. 354].

³ Григорьев П. В память столетия русского театра, оригинальное драматическое представление, составленное из трех отделений в прозе и стихах, с хорами и танцами. Сочинение П. Григорьева. 1756–1856. Санкт-Петербург: Тип. Главного штаба Е.И.В. по Военно-учебным заведениям, 1856. С.70.

⁴ Библиотека для чтения... / под ред. А.В. Дружинина. Санкт-Петербург: Тип. вдовы Плюшар с сыном, 1857. Т. 141, отд. IV. С. 98.

⁵ Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. Ч. 1: [А–З] / О-во любителей рос. словесности, учр. при Имп. Моск. ун-те. Москва: Тип. А. Семена, 1863. С. 350, 134.

⁶ Твардовский без глянца / сост., вступ. ст. П. Фокина. Санкт-Петербург: Амфора, 2010. С. 56.

Стихи настолько врезаются в коллективную память, что приходят на ум уже невольно, когда жарко и нет грибов, или даже нежарким летом, и тогда они с легкостью превращаются в свою антитезу.

«Лето, лето, ты горяче,
Мухами обильно паче,
Только тем ты не любовно,
Что, увы, ты не грибовно!

Чтобы (так!) сказал бессмертный Тредьяковский в лето 1846 года, которое весьма горяче, и не грибовно, но мухами не обильно; мух почти незаметно; где они, что с ними случилось; уж не слишком ли им жарко и оне улетели в Архангельск на умеренное лето, потому что наше во все не северное»¹, – острит петербургский еженедельник «Иллюстрация» в июле 1846 г. Н.М. Языков 10 августа 1846 г. пишет к Н.В. Гоголю: «Я собираюсь в Москву; пора уже и на зимнее сидение. Июль и половина августа были у нас жарки невыносимо. Лето было гор^яче² и мухами богато паче, но “тем не любовно, что не грибовно”»³. Здесь нет ссылки на Тредиаковского, значит, Языков предполагал, что Гоголь должен был знать автора. 24–26 июня 1849 г. Г.С. Батеньков цитирует стихи в письме из Томска к А.П. Елагиной, тоже без ссылки, и стилизует продолжение: «Лето у нас непаче обильно мухами, не грибовно, безкомарно и не зело горяче. Громы часто... и теперь гремит»⁴. Петр Вяземский в «Путешествии на Восток» (1849–1850) пишет, проезжая рощи в Ливане: «Так пахнет иногда от них Русью, что захочется слезть с лошади и пойти по грибы, но вспомнишь Тредьяковского и скажешь:

Лето, всем ты любовно,
Но, ах, ты не грибовно»⁵.

¹ Иллюстрация: еженедельное издание всего полезного и изящного. 1846. 27 июля [Т. III, № 27]. С. 431.

² В публикации: «горше».

³ Шенрок В.И., Гатцук А.А. Николай Васильевич Гоголь // Русская старина. 1889. Т. 61 (январь). Санкт-Петербург: Тип. В. С. Балашева, 1889. С. 152.

⁴ Русские прописки. Материалы по истории русской мысли и литературы. Т. II / Собрал и приготовил к печати М. Гершензон. Москва: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1916. С. 69.

⁵ Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского. Т. IX: 1813–1852 гг. Санкт-Петербург, 1884. С. 287.

Провинциальный священник И.С. Белюстин (1819–1890) записывает в дневнике в августе 1849 г.: «10-е Августа. Целый день пробродив по лесам, кочкам и болотам, измученный и усталый принимаюсь однако ж за перо, чтобы накидать несколько мыслей, которые толпились в голове в то время, когда собирал я грибы. Прежде всего – в лесу мне вспомнились стихи Тредиаковского, которые при всей неблагозвучности своей, удивительно верно характеризуют нынешнее лето:

О лето прегоряче
Ты мухами обильно паче
Но тем ты лето мне любовно,
Что прегрибовно.

И в самом деле, такого обилия грибов, как в два лета, настоящее и прошедшее – не запомнят старики» [8, с. 36].

В эпоху реализма «грибы» и «мухи» уже не кажутся не поэтичными, архаизмы же становятся приметой «милой старины». Ирония, или привкус «кайенского перца», сохраняется, но уже не превалирует, и только священник Белюстин продолжает по инерции угрюмо критиковать искаженный словотворчеством текст за «неблагозвучность».

Все приведенные цитаты – как из первого, так из второго блока – роднит то, что авторы цитируют стихи исключительно по памяти; оригинала не знает никто. Текст в отсутствие его эдиционной «ратификации» был сокращен почти до объема частушки⁶ и сделался своего рода интеллигентским фольклором. То, что сначала запоминалось как образчик неуклюжей поэзии Тредиаковского,

⁶ Возникновение частушки принято датировать второй половиной XIX в., но уже в собрании пословиц и поговорок В. Анненкова конца XVIII в. встретился мне такой текст: «Лежит баба на току, полна жопа табаку, пришел голый с кабаку», напехал табаку» [Собрание просторечных мирских пословиц... [сост.] А. Анненков В. Асилий] // Сборник литературный, конец XVIII в. НИОР РГБ. Ф. 178 [Музейное собрание]. № 719. л. 123]. По размеру и всем приметам это частушка, которая затерялась в сборнике паремий, включавшем, однако, тексты других фольклорных жанров: «Бабы примета, которой мушкетер не работник, а на ноги съездит, тот на постели не работник» [Собрание просторечных мирских пословиц... [сост.] А. Анненков В. Асилий] // Сборник литературный, конец XVIII в. НИОР РГБ. Ф. 178 [Музейное собрание]. № 719. л. 92] и т. д.

потом легко приходило на ум, когда «жара», «мухи» или просто «лето», в итоге стихотворение вновь стало использоваться в функции лирического высказывания, т. е. в той, в какой задумывалось Тредиаковским.

По содержанию стихи примыкают к его ранней пейзажно-календарной лирике («Весна катит, зиму валит...» периода «московских школ», «Описание грозы, бывшая в Гаге», которое заканчивается словами «Дни нам надо красны, / Приятны и ясны»), приложенной к циклу при «Езде в остров Любви» (1730), однако в него не входили и, судя по хорею, написаны позже: Тредиаковский «забраковал ямб» и начал утверждать хорей в 1735 г. [9].

Как видно, из коллективной памяти совершенно выпали третий и четвертый стихи. Судя по третьему, стихотворение относилось не к лету вообще, как у Пушкина, а к конкретному лету, которое выдалось особенно жарким («Ты жарчай лет многих всех»). Не берусь датировать его на этом шатком основании: это могло быть как лето 1737 г., оставшееся в истории своими пожарами, так и любое позднейшее «горячее» лето 1740–50-х годов.

«Смех», скачущий по лугам, из четвертого стиха – постоянный персонаж идиллий; играми и смехами (обычно именно во множественном числе это кальки с французских *les Jeux* и *les Ris*) полны барочные балеты и российские буколики XVIII столетия. Это божества, составляющие свиты Венеры, Купидона, Флоры, Зефира или Дианы, и генераторы идилличности: они прогоняют грозовые ветры и являясь залогом гармонии. «С тобой игры и смехи, / С тобой веселье, радость», – писал А. Сумароков в оде анакреонтической к Елизавете Херасковой (1762). Когда сочиняется элегия, утети, игры и смехи, наоборот, удаляются, ср. хотя бы элегии «Уже ушли от нас игранье и смехи...» (1759), «Он игры мои и смехи / Превратил мне в злу напасть...» («О места, места драгие!», 1740-х) А. Сумарокова, «Сокрылись мои дражайшие утети, / В жестокую

печаль преобразились смехи» (1759) А. Аблесимова, «Обратитесь в плачи, смехи...» у молодого Г. Державина («Без любезной грудь томится...», 1776).

Выветрилась из памяти также балансировочная клауза в последнем стихе. Она всякий раз заменялась собственными втычками (термин Н.П. Николева); близко к оригиналу ее воспроизвел только Г. Симоновский, но с шаржирующим плеоназмом. Между тем «вот» и «уж» – это излюбленные Тредиаковским лексические балансиры, с помощью которых он выравнивал метр: «Сделались невдолге небольшим *вот* Облачком» («Облако и земля»), «Так что будет от нея всех их жизнь уж бедна. <...> То вот, отлетевши от лесов она густых... <...> Да уж бедных птичек всех оными и ловят» («Ласточка и птички»), «Что путник епанчу с себя *вот* снял долой» («Солнце и борей»), «Оного Лисице захотелось *вот* поестъ; / Для того, домочься б, вздумала такую лестъ» («Ворон и лисица»), «Но в голубятню к ним чуть Ястреб *вот* вселился» («Коршун, голуби и ястреб»), «Чего для воду, плут, ты мутишь так ногами, / Что *вот* ко мне течет она вся нечиста?» («Волк и ягненок»), «Для того *вот* Журавля нанял он ценою» («Волк и журавль»), «Счастливо Козленок, некогда уйти успев / От гоняща Волка, в овчий заперся *вот* хлев» («Козленок и Волк»), «А ныне, как уж я тебе столь досадил, / Безмерно *вот* за то меня обогатил» («Человек и истукан»), «Слыша, Обезьяна захотела *вот* плода» («Обезьяна и орехи»), «Так что наконец ее всю уж обнажили» («Ворона, чванящаяся своими перьями»), «И ловить уж зверя в пищу силы не имел... <...> И Лисица *вот* пришла также пред пещеру» («Лев и Лисица») и т. п.

Позже стихи окажутся созвучными примитивистским стихотворным экспериментам, и сейчас снобизм людей первой половины XIX в., внезапно почувствовавших себя тонкими ценителями поэзии, выглядит смешнее, чем творчество Тредиаковского.

Список литературы

1. Степанов В.П. Комментарии // Письма русских писателей XVIII века / отв. ред. Г.П. Макогоненко. Ленинград: Наука, 1980. С. 182–223.
2. Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания / подг. С.В. Житомирская. Москва: Наука, 1989. 811 с.
3. Демидов К. Слоны, мухи и слухи. Маленький фельетон // Правда. 1945. 30 авг. (№ 216). С. 4.
4. Кошелев А.В. Примечания // Смирнова-Россет А. Воспоминания / сост., вступ. ст. и примеч. А.В. Кошелева. Санкт-Петербург: Азбука, 2011.
5. [Бантыш-Каменский Д.]. Тредьяковский Василий Кирилович // Словарь достопамятных людей русской земли... составленный Дмитр. Бантыш-Каменским и изданный Александром Ширяевым: в 5 ч. Ч. 5. Москва: Тип. Августа Семена, 1836. С. 146–150.
6. Иванов И. История русской критики. Ч. 1–2. Санкт-Петербург: Изд-во журн. «Мир Божий», 1898. 509 с.
7. [Молчанов М.М.]. Полвека назад. Первые годы училища правоведения в С.-Петербурге. Издал один из 1407 кончивших в оном курс выпуска 1845 года. Санкт-Петербург: Тип. Е. Евдокимова, 1892. 91 с.
8. Леонтьева Т.Г. Из истории провинциального духовенства: И.С. Белюстин. Заметки [1847–1850] / текст с оригинала переписан Е.А. Занегиным; подг. текста, вступ. ст., коммент. Т.Г. Леонтьевой. Москва; Тверь: Тверской гос. ун-т, 2001. 131 с.
9. Холшевников В.Е. Заметки о русском стихе XVIII века // XVIII век. Сб. 13: Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII – начало XIX в. Ленинград: Наука, 1981. С. 229–234.

Сведения об авторе:

Осокин Михаил Юрьевич, кандидат филологических наук, независимый исследователь

Moo 4, Tambon Tasao, Amphor Muaeng, Uttaradit 53000 Thailand
mike.osokin@gmail.com

Дата поступления статьи: 27.04.2021

Одобрено: 27.05.2021

Дата публикации: 28.06.2021

Для цитирования:

Осокин М.Ю. «Похвала лету» В. К. Тредиаковского: о грибах, мухах и механизмах культурной памяти // Сфера культуры. 2021. № 2 (4). С. 13–19. DOI: 10.48164/2713-301X_2021_4_13

УДК 82-1+316.3

DOI: 10.48164/2713-301X_2021_4_13

M. Yu. Osokin

Sattahip (Thailand)

mike.osokin@gmail.com

V.K. TREDIAKOVSKII'S «IN PRAISE OF SUMMER»: ON MUSHROOMS, FLIES, AND SOME MECHANISMS OF CULTURAL MEMORY

V.K. Trediakovskii's poem «In Praise of Summer» was not included in his collections of poetry or complete works and only appeared in manuscripts, and many well-educated people remembered it as example of his bad poetry. In collective memory the poem was reduced from six to four lines and was always cited ironically, almost as a self-caricature. However,

over time its original lyrical quality could also be perceived. In the 1840s. the poem, despite the ironic quotation marks presumed by lovers of poetry, «In Praise of Summer» began to reassume its original function – the function of a lyric utterance describing the summer season.

Keywords: V. Trediakovsky, poetry, cultural memory.

References

1. Stepanov, V.P. (1980) *Kommentarii. Pis'ma russkikh pisatelei XVIII veka* [Letters of Russian Writers of the 18th Century. Ed. G.P. Makogonenko]. Leningrad: Nauka, 182–223. (In Russian).
2. Smirnova-Rosset, A.O. (1989) *Dnevnik. Vospominaniya* [Diary. Memories. Ed. S.V. Zhitomirskaya]. Moscow: Nauka. (In Russian).
3. Demidov, K. (1945) Slony, mukhi i slukhi. Malen'kii fel'eton [Elephants, flies, and gossips. Short satirical article]. *Pravda*. August 30, 216 (9352). (In Russian).
4. Koshelev, A.V. (2011) Primechaniya [Notes]. Smirnova-Rosset A. *Vospominaniya. Sost., vstup. st. i primech. A.V. Kosheleva* [Memories. Compiled by A.V. Koshelev]. St. Petersburg: Azbuka. (In Russian).
5. [Bantysh-Kamenskii, D.] (1836) *Tred'yakovskii Vasilii Kirilovich' [Trediakovsky Vasily Kirillovich]. Slovar' dostopamyatnykh lyudei russkoi zemli... sostavlennyy Dmitr. Bantysh-Kamenskim i izdannyy Aleksandrom Shiryayevym. V pyati chastyakh* [Dictionary of Memorable People of the Russian Land by D.N. Bantysh-Kamensky in five parts]. Part 5. Moscow: Tip. Avgusta Semena (In Russian).
6. Ivanov, I. (1898) *Istoriya russkoi kritiki* [A History of Russian Literary Criticism]. Parts 1–2. St. Petersburg: Izd-vo zhurnala "Mir bozhii". (In Russian).
7. [Molchanov, M.M.] (1892) *Polveka nazad. Pervye gody uchilishcha pravovedeniia v S.-Peterburge* [Half a Century Ago. The Early Years of the St. Petersburg School of Law]. St. Petersburg: tip. E. Evdokimova. (In Russian).
8. Leontieva, T.G. (2001) *Iz istorii provintsial'nogo dukhovenstva: I.S. Beliustin. Zametki (1847–1850)* [From the History of the Provincial Clergy: I.S. Belyustin. Notes (1847–1850)]. Ed., intro., and notes by T.G. Leont'eva]. Moscow; Tver': Tverskoi gos. un-t. (In Russian).
9. Kholoshevnikov, V.E. (1981) *Zametki o russkom stikhe XVIII veka* [Notes on Russian Verse of the 18th Century] *XVIII vek. Sbornik 13* [The 18th Century. Issue 13]. Leningrad: Nauka, 229–234. (In Russian).

About the author:

Mikhail Yu. Osokin, PhD in philology, independent researcher

Moo 4, Tambon Tasao, Amphor Muaeng, Uttaradit 53000 Thailand

mike.osokin@gmail.com